

Юань Дунбинь, Лю Чао

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В РАССКАЗЕ "ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК" И. А. БУНИНА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ИНТЕНЦИИ АВТОРА

Статья посвящена анализу одной из малоизученных категорий художественного текста - пространственно-временному континууму. В данной статье предпринята попытка анализа пространственно-временного континуума в рассказе И. Бунина "Чистый понедельник" с целью выявления языковых и образных средств передачи наблюдаемой континуальности. Исследование показало относительную самостоятельность пространственно-временного континуума в формировании сюжетных и символических функций художественного произведения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/12.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 1. С. 44-47. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

8. **Сорокин В. И.** Теория литературы. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1960. 280 с.
9. **Теория литературы:** в 2-х томах / под редакцией Н. Д. Тмарченко. М.: Академия, 2014. Т. 1. 510 с.
10. **Толстой Л. Н.** Полн. собр. соч. М. – Л.: ГИХЛ, 1933. Т. 32. 542 с.

REFLECTIONS ON ARTISTIC IMAGE SPECIFICITY

Shadeko Vasilii Petrovich, Ph. D. in Philology
Pushkin Leningrad State University
v.shadeko@gmail.com

The article examines the main characteristics of the artistic image: synthetic character, the reproducibility of the form, the undivided of the sign and the signified in the image with the semantic link, the ability of the image to be interpreted. The habitat of the image is human consciousness. All these and other image characteristics, which found their confirmation in the examples from the works by V. G. Belinsky, M. Gorky, Leo Tolstoy, B. Kellermann, etc., enable to come to the conclusion about difference between the image and such related notions as simile, metaphor and symbol.

Key words and phrases: artistic image; individualization and typification of surrounding reality; syncretism; simile; metaphor; symbol.

УДК 82-32

Статья посвящена анализу одной из малоизученных категорий художественного текста – пространственно-временному континууму. В данной статье предпринята попытка анализа пространственно-временного континуума в рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» с целью выявления языковых и образных средств передачи наблюдаемой континуальности. Исследование показало относительную самостоятельность пространственно-временного континуума в формировании сюжетных и символических функций художественного произведения.

Ключевые слова и фразы: время; пространство; континуум; языковые средства; интенция.

Юань Дунбинь

Лю Чао

Тайшаньский медицинский институт (КНР)

Yuandongbin_zili@163.com

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО КОНТИНУУМА В РАССКАЗЕ «ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК» И. А. БУНИНА КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ ИНТЕНЦИИ АВТОРА

Ситуация в современном обществе характеризуется довольно быстрым и значительным изменением мира, и вследствие этого философско-культурологическое осмысление происходящих изменений в большей мере не успевает за темпами этих изменений. Как результат – не стало полного видения существующей реальности. В существующей научной картине мира данная ситуация представлена большим количеством разных проявлений и фрагментов, которые осваиваются разными философскими учениями и школами [9, с. 308]. На протяжении всего двадцатого столетия мысль исследования континуальности довольно часто находит доказательство ее существования во многих науках.

Время и пространство в разных науках становятся знаменателями высокого рода. В большом количестве работ философского и лингвистического характера указывается их взаимосвязь и взаимообусловленность. Вслед за Мишелем Фуко, введшим в науку понятия гетеротопии и гетерохронии, исследователи разных гуманитарных специализаций стали обращать приоритетное внимание на изучение того, как время, пространство и их сложные, порой нелинейные взаимосвязи отражаются в менталитете и культуре человечества. Если рассматривать проблему пространственных и временных отношений в аспекте языковой концептуализации, то можно сказать, что она – одна из самых разработанных. Пространственно-временной континуум становится объектом пристального внимания в ходе филологического анализа художественного произведения, так как время и пространство создают не только само повествование, но и становятся средством выражения представления автора о действительности и отношения к ней. Поэтому хотя такая разнovidность континуума может конкретизировать созданный автором мир, потому что всё живёт во времени и в пространстве, но по-настоящему она может выразить скорее субъективное представление о сущности и действующих в ней закономерностях. Анализируя все способы выражения пространственно-временных отношений в рассказе, можно сделать достоверные выводы о мировоззрении писателя. Таким образом, необходимо выявить в произведении средства, которые будут использоваться для представления данного вида континуума [4, с. 235]. Сравнивая разные точки зрения на проблему пространства и времени, можно сделать вывод о том, что при сравнении реального и художественного времени сравниваются 3 признака, которые проявляются в таких противопоставлениях, как: непрерывность/дискретность, временная упорядоченность/нарушение временного порядка, одномерность/многомерность.

Актуальность выбранной темы можно подтвердить несколькими факторами. В современной лингвистике имеется ряд работ, которые посвящены анализу языка пространства или времени, но язык континуальных

характеристик пространства и времени, несмотря на свою важность, для художественного текста большей частью не изучен [8, с. 275-276].

Не существует выработанного аппарата детального описания пространственно-временного континуума, и не определены тексты, в которых наглядно выражены континуальные процессы и парадоксы, а все это необходимо для формирования лингвистики синтезированного знания, так как база для лингвостилистических исследований такого вида уже имеется.

Анализ пространственно-временного континуума актуален для создания языковой картины мира И. А. Бунина. Пространственно-временной континуум в специальной литературе был зафиксирован, но с точки зрения лингвистики совсем не анализировался, потому что не ставилась такая задача и не выработывались специальные методы при описании синтезированного объекта. Между тем именно в приложении к творчеству Бунина задача адекватной интерпретации пространства и времени в общем художественном контексте является особо актуальной: И. А. Бунин заслуженно пользуется репутацией одного из лучших мастеров композиции в русской литературе. В его произведениях события так талантливо вписаны в пространство и время или, напротив, так пронзительно и точно вырваны из потока времени и географической локации, что сам по себе пространственно-временной континуум начинает выполнять важный авторский замысел и служить более полному и осязаемому для читателя воплощению генеральной идеи рассказа.

Предметом исследования в нашей работе стала особенность пространственно-временного континуума в качестве средства раскрытия интенции писателя.

Материалом изучения выступает один из известных в языковом отношении рассказов И. А. Бунина «Чистый понедельник» как искусное творение, в котором отражаются ценности языковой личности писателя.

Целью исследования стало выявление природы и способов формирования пространственно-временного континуума по произведению И. А. Бунина.

Научная новизна исследования состоит в изучении пространства и времени как целостного феномена, а конкретно – пространственно-временного континуума в качестве недискретной категории, которая скрытана в семантике текста; в разработке авторской методики описания континуальности пространства и времени при помощи характеристики оппозиций, реалий, коннотаций и метафор пространства и времени; в исследовании передачи концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО в художественных произведениях Бунина [7, с. 53-54].

При анализе пространственно-временного континуума необходимо уделять много внимания стилистическому оформлению авторского произведения, которое вместе с лексическими и грамматическими средствами формирует композиционный уровень произведения. И. В. Арнольд утверждает, что работы по стилистике находятся в компетенции лингвистики в довольно полном освещении языковых явлений, которые встречаются в тексте [2].

Выявление специфики художественного времени и пространства начинается с анализа элементов композиции, которые реализуют свойства этих двух категорий.

В любом художественном тексте можно наблюдать столкновение двух противоположных тенденций: с одной стороны, это стремление писателей передать жизненный поток событий как можно объективнее, а с другой – желание отразить существенные свойства времени и пространства, раскрыть временные границы, поменяя пространственный порядок, выделить главные черты темпорально-локальной основы описываемого [1, с. 629-650].

Данная диалектика проявляется в тексте с помощью приемов актуализации его компонентов. Самый показательный пример – пропуск событий, которые не имеют особого значения. В рассказе И. Бунина «Чистый понедельник» это показано довольно ярко. Автор начинает свой рассказ с «середины». Такие временные лакуны могут описывать пару минут или несколько десятилетий, а смена описания местности может и не упоминаться. Количественные параметры темпорально-локальных пробелов изменяются от эпизода к эпизоду. Такие пространственно-временные «провалы» становятся возможными из-за одного из свойств художественного времени и пространства – дискретности.

Литературоведы и лингвисты, которые занимались творчеством И. Бунина, соглашались в том, что «Чистый понедельник» – это один из наиболее драматичных рассказов И. Бунина. Мы считаем важным рассмотреть в этом рассказе языковую вербализацию пространственно-временного континуума.

В данном плане мы попытались исследовать единство (континуальность) пространственных и временных характеристик известного рассказа, для того чтобы найти языковые средства и языковой механизм выражения постулируемой и наблюдаемой континуальности.

Повествование начинается с того момента, когда отношения главных героев длились довольно долго. Писатель обращает внимание на самые мельчайшие подробности: «темнел московский серый зимний день», или на то, куда ездили обедать влюбленные – в «Прагу», в «Эрмитаж», в «Метрополь». Мы чувствуем трагедию расставания в самом начале рассказа. Главный герой не знает, до чего дойдут их отношения. С самого начала мы чувствуем какое-то напряжение, неизбежность какой-то трагедии. Автор выражает это при помощи описания временного пространства зимнего вечера, несколько раз повторяя мрачность обстановки:

«Темнел московский серый зимний день, холодно зажигался газ в фонарях, тепло освещались витрины магазинов – и разгоралась *вечерняя*, освобождающаяся от дневных дел московская жизнь...»; «...в сумраке уже видно было, как с шипением сыпались с проводов зеленые звезды – оживленное спешили по снежным тротуарам мутно чернеющие прохожие... Каждый *вечер* мчал меня в этот час на вытягивающемся рысаке мой кучер – от Красных ворот к храму Христа Спасителя: она жила против него; каждый *вечер* я возил ее обедать в “Прагу”» [6]. Повторяя несколько раз слово «вечер», автор нагнетает обстановку.

Большое количество пересекающихся противоречий образовало системное своеобразие бунинского повествования в «Чистом понедельнике». Такое же системное разнообразие можно увидеть не только в большом количестве оппозиций, но и во многих определенных реалиях: как предметных, так и пространственных и временных.

У И. Бунина – это предметы с их характерными деталями: указание адреса проживания, номера квартир, названия улиц, домов, указание на время, вплоть до секунд, на конкретную дату, когда происходит событие.

«В комнате пахло цветами, и она соединялась для меня с их запахом; за одним окном низко лежала вдали огромная картина заречной снежно-сизой Москвы; в другое, левее, была видна часть Кремля, напротив, как-то не в меру близко, белела слишком новая громада Христа Спасителя, в золотом куполе которого синеватыми пятнами отражались галки, вечно вившиеся вокруг него...» [Там же].

С другой стороны, реалиям характерны определенные коннотации, которые проникают в семантику соответствующего слова и в данном случае свидетельствуют о фрустрирующем, ироническом сознании и «автора», и «героя» текста.

Яркое своеобразие прозы Бунина образовало постепенное восприятие «ускользающей» континуальности. Точное время «соседствует» в контексте с точным пространством, будь то Москва или Тверь, Храм Христа Спасителя или Кремль, такая передача концептов ВРЕМЯ и ПРОСТРАНСТВО усиливается точным указанием названий храмов, ресторанов, названий художественных произведений и их авторов [3, с. 136-150].

Из-за постоянного ускорения художественного времени в произведении случается накладка пространственных и временных континуумов. Такая накладка видна и в описании одежды и лексики портрета героев. Одежда описывается во «временном, ежесекундном» ее состоянии:

«А у нее красота была какая-то индийская, персидская: смугло-янтарное лицо, великолепные и несколько зловещие в своей густой черноте волосы, мягко блестящие, как черный соболий мех, брови, черные, как бархатный уголь, глаза; пленительный бархатисто-пунцовыми губами рот оттенен был темным пушком; выезжая, она чаще всего надевала гранатовое бархатное платье и такие же туфли с золотыми застежками» [6].

Портрет также в рассказе «сиюминутен»: «Но только я вошел во двор, как из церкви показались несомые на руках иконы, хоругви, за ними, вся в белом, длинном, тонколиккая, в белом обресе с нашитым на него золотым крестом на лбу, высокая, медленно, истово идущая с опущенными глазами, с большой свечой в руке, великая княгиня; а за нею тянулась такая же белая вереница поющих, с огоньками свечек у лиц, инокинь или сестер, – уж не знаю, кто были они и куда шли» [Там же]. Неотмирность, чуждость, призрачно-потусторонний характер крестного хода подчеркивается не только ярким и подробным описанием неземного облика великой княгини, но и неспособностью рассказчика правильно идентифицировать монахинь (он не знает, кто они и как их называть) и локализовать их движение в пространстве (куда они шли).

Рассказ И. Бунина показал, как пространственно-временной континуум может если не выполнять, то «по-своему» содействовать в осуществлении и характерологических, и сюжетобразующих, и символических функций художественного текста высокой пробы. Автор с большим мастерством показал полет человеческой души главной героини – она «парит» в рассказе во времени и пространстве [5, с. 234-407]. Героиня мучается, она не знает своего предназначения – она везде: в театре, на капустнике, в своем доме, в церкви. Само повествование довольно динамично, главные герои как будто перелетают с одного места на другое.

Даже в самом заглавии рассказа «Чистый понедельник» заявлено время действия. В названии рассказа заключен особый смысл. Ведь в канун этого святого дня произошел между главными героями первый разговор о религиозности. Это время определяет церковно-календарное Время, а уточняющая часть структуры заглавия определяет «состав» этого времени: «очищение». Чистый понедельник в религиозном календаре и в духовной жизни описываемой Буниным России открывает собой Страстную седмицу, последнюю и самую важную неделю Великого поста. Само название рассказа, таким образом, через привязку к темпоральности погружает читателя в атмосферу очищения и отвержения всего земного.

Несоразмерность композиционных частей произведения также является способом организации его художественного времени: она служит в качестве средства субъективной сегментации временного потока и отражает особенности его восприятия героиней рассказа, выражает ее темпоральное оценивание [10]. Неравномерность частей определила особый временной ритм рассказа, который базируется на чередовании статичности и динамики.

Движение объективного времени в тексте то стремительно растет, то замедляется, временами останавливается. Иногда, описывая главную героиню, автор замедляет время: «В первой много места занимал широкий турецкий диван, стояло дорогое пианино, на котором она все разучивала медленное, сомнамбулически прекрасное начало “Лунной сонаты”, – только одно начало, – на пианино и на подзеркальнике цвели в граненых вазах нарядные цветы, – по моему приказу ей доставляли каждую субботу свежие, – и когда я приезжал к ней в субботний вечер, она, лежа на диване, над которым зачем-то висел портрет босого Толстого, не спеша протягивала мне для поцелуя руку и рассеянно говорила: “Спасибо за цветы...”» [6], – тем самым автор дает нам задуматься. А когда хочет показать ее неуверенность, смятение ее души – описание приобретает динамичный характер: «Потом захрипела, засвистала и загремела, вприпрыжку затопала полькой шарманка – и к нам, скользя, подлетел маленький, вечно куда-то спешащий и смеющийся Сулержицкий, изогнулся, изображая гостинодворскую галантность, поспешно пробормотал...» [Там же].

Примечателен и конец рассказа. Автор создает безвозвратную пустоту, конец мечтам и надеждам с помощью пространства, и эту безвозвратность он подчеркивает употреблением слова «темнота»: «Я почему-то очень внимательно смотрел на них. И вот одна из идущих посередине вдруг подняла голову, крытую белым платом, загородив свечку рукой, устремила взгляд темных глаз в темноту, будто как раз на меня... Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот» [Там же]. Также можно утверждать, что продолжения отношений между главными героями больше не будет. Надежды на будущее – нет. Автор ни разу не употребил будущее время в своем произведении, тем самым показывая безвозвратность всей жизни героев. Как многократно повторенное ранее слово «вечер»

создавало ощущение тревожности и грозящей разлуки, так и в развязке рассказа столь же акцентированное слово «темнота» манифестирует свершившийся разрыв и безнадежность.

Кроме того, обращает на себя внимание и то, что именно с помощью пространственно-временного континуума в рассказе задано противопоставление человеческого выбора и судеб. Это противопоставление проходит локально через контраст кабака и монастыря, а темпорально – через контраст времени и вечности. Каждый раз при описании мирских, мимолетных развлечений героев автор дает точное название и адрес ресторана или театра и высчитывает время с точностью до минут: нам сообщается, что на одевание у героини уходило пятнадцать минут, что в ресторане они проводили три-четыре часа, в котором часу ночи возвращались домой и т.д. Героиню рассказа тяготит эта рутина и жесткая привязанность к месту. Она жалуется то на скуку от необходимости «всю жизнь, каждый день обедать, ужинать», то на то, что возлюбленный «таскает ее по кабакам». Она ищет некую потерянную Русь, нечто, что может дать ей «чувство родины». Эта сказочная Русь пространственно локализуется на кладбищах, в монастырях, в кремлевских башнях, но эта привязка тоже какая-то неопределенная, словно сами кладбища и монастыри не вполне принадлежат своему географическому месту и времени. Так, месяц над Кремлем кажется героине «каким-то светящимся черепом», а бой часов на Спасской башне – таким же, как в пятнадцатом веке, таким же, как во Флоренции. Она пытается сбежать от рутины и пошлости быта, и ее движение в пространстве обозначено следующими вехами: кабак – кладбище – дом Грибоедова – монастырь, а во времени: капуста – летопись – богослужение. Эта эволюция героини во времени и пространстве синхронна и логична – отказываясь от бессмысленной суеты, она через культуру и историю идет к вере, в которой время и пространство уже не имеют никакого значения и, по сути, упраздняются.

Несходство героя с его возлюбленной подчеркивается деталями места и времени. Его время не утомляет, и в отношениях с нею он уповает на время: «Что оставалось мне, кроме надежды на время?». Уже в этой надежде на то, что время победит женщину, столь упорно желающую вырваться из-под власти времени, читатель чувствует, что при всей отчаянной любви лирический герой не понимает свою возлюбленную, а значит, счастливая развязка невозможна. И характерно, что после расставания героиня остается в монастыре, а герой в течение двух или трех лет блуждает по кабакам: контраст судеб вновь ярко подчеркивается географическим контрастом.

Впрочем, было бы грубым упрощением утверждать, что герой рассказа весь принадлежит к отвергаемому героиней миру реального времени и кабаков. Его облик, как и внешность героини, говорит о чем-то чужом и далеком; если она по внешнему виду похожа на персиянку или индианку, то он, уроженец Пензы, почему-то наделен южной «сицилийской» красотой. Кроме того, он обладает какой-то особенной чуткостью к пространству и времени, и эта чуткость заставляет его все время предвидеть неизбежную разлуку. Вот, к примеру, его ассоциации, когда он любит своей возлюбленной: «Москва, Астрахань, Персия, Индия» [Там же]. Притом, что сами герои в это время находятся в Москве, это перечисление все более отдаленных географических мест показывает, что герой видит и чувствует, что любимая ему чужда, что она все дальше и дальше уходит от него – туда, где он никогда не был и куда он не сможет последовать за ней.

Таким образом, наш анализ показал, что время и пространство приобретают в изучаемом рассказе Бунина значение не просто фона для событийной канвы, но самостоятельного выразительного средства, они помогают заострить авторскую мысль, сформировать атмосферу произведения, задать его тон и модальность.

Список литературы

1. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 629-650.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
3. Баркова Э. В. Пространственно-временной континуум как форма целостности культуры: к постановке проблемы // В диапазоне гуманитарного знания: сборник к 80-летию проф. М. С. Кагана. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. Вып. 4. С. 136-150.
4. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
5. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
6. Бунин И. Чистый понедельник [Электронный ресурс]. URL: <http://ilibrary.ru/text/1019/p.1/index.html> (дата обращения: 11.03.2016).
7. Гастев Ю. Континуум // Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 3. С. 53-54.
8. Континуум // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 275-276.
9. Лотман Ю. М. О семиотическом механизме культуры // Антология культурологической мысли. М., 1996. С. 323-327.
10. Майорова О. А. Онтологическое варьирование концепта пространства: автореф. дисс. ... к. филол. н. Уфа, 2009. 24 с.

REPRESENTATION OF SPATIAL-TEMPORAL CONTINUUM IN THE STORY BY I. A. BUNIN “SHROVE MONDAY” AS A MEANS TO DISCOVER THE AUTHOR’S INTENTION

**Yuan Dongbin
Liu Chao**

*Taishan Medical University
Yuangongbin_zili@163.com*

The article is devoted to analyzing one of the poorly investigated categories of a literary text – the spatial-temporal continuum. The paper aims to explore the spatial-temporal continuum in the story by I. Bunin “Shrove Monday” with a view to identify linguistic and figurative means to transfer the observed continuity. The study indicated the relative autonomy of the spatial-temporal continuum while forming the story-line and symbolic functions of a literary work.

Key words and phrases: time; space; continuum; linguistic means; intention.